

Казнь Махамбета / роман

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Казнь Махамбета / роман КАЗНЬ МАХАМБЕТА

Разве не были угодьем
для кого-то степи эти?!
Иль не стал доской–надгробьем
тальник, вместо звучной флейты?!
Разве мало, кто оставил
ласки страстные красавиц,
тех, кто жадно и устало
в лужах видели оазис?!
Разве не было отборных,
быстроногих скакунов,
с сёдел скинувших с позором
своих бывших седоков?!
Разве мало, кто в лишеньях
спал на спинах скакунов,
тех, кто в поисках врагов
на полях былых сражений
не сложил своих голов?!
...Будем жить и наслаждаться,
в буднях быть и править пир...
Не забудем только, братцы,
разве всех не пережил
этот вечный, мнимый мир?!

Махамбет Утемисулы – «Мнимый мир» (здесь и далее – переводы стихов Махамбета – Бекета Карашина)

+ + +

Книга первая

КОЗЫ ЖАСЫ – ВРЕМЯ АГНЦА

История первая: БОЖЬЯ ТРАПЕЗА

Кровь с остро отточенного лезвия ножа не капала – сходила, словно стальной клинок отторгал темно-алую влагу жизни еще бившегося в агонии верблюда, чье горло только что полоснула умелая рука Старшего Дяди.

– Добрый нар! – радостно скакал вокруг бьющегося в путах, почти обезглавленного косматого великана, старый шаман-баксы.

Его лысая голова сверкала под степным солнцем, соперничая с клинком Старшего Дяди в способности отражать лучи. Старший дядя был увлечен тяжелым, но почетным трудом. Это баранов-кошкаргов для праздничного тоя можно было доверить молодым жигитам, потевшим сейчас чуть в отдалении над тушами тринадцати жертвенных животных. Впрочем, надо отдать молодым должное – работа у них спорилась, да и что такое возраст в таком деле для кочевника, привыкшего забивать скот сызмальства?! Но нар-верблюд, могучий исполин степей – особого опыта требует! Страшная сила в ударе ног его, даже если опутаны они по всем правилам, проверенным веками бесконечного кочевья сыновей Берша по Великой Степи. Только опытный кочевник, истинный батыр, может верными, точными движениями отделить от тела голову могучего зверя, настоящего спутника всего кочевого рода, несущего его промеж своих горбов через время, пески и ветра.

– Добрая трапеза будет Небу-Тенгри! – повторял шаман, протягивая могучие, все в узлах мышц руки, к отсеченной голове верблюда, принимая ее от Старшего Дяди, и вознося над своей головой, ввысь, к солнцу, под взор Неба-Тенгри. – Ал, куда-тамагын, улы Танрим! – воскликнул-запел шаман, чьи руки, больше приставшие бы воину-батыру, дрожали от напряжения и тяжести огромной верблюжьей головы.

Кровь не кропила – лилась тонкой, густой, черной струей, покрывая руки, лысину, лоб шамана. Но узкие, оттенка выцветшего степного неба глаза не закрывались, словно

зацепившись за что-то там, в вышине, в самой дальней точке, где небо перестает быть голубым, и даже солнце не затмевает звезды.

Молодой мулла-мырза недовольно поглядывал на шамана, но молчал. Этот старик, помнил его еще до медресе, голопузым мальцом, собиравшим кизяк, и по просьбе отца так же подносил куда-то Небу-Тенгри в день его собственного рождения. А еще шаман мог и посохом отделать не на шутку, если бы счел поведение уважаемого ныне всей Букеевской Ордой муллы, невоспитанностью. Рассказывали, прежнего муллу, который был избран еще и муфтием, этот самый шаман избил в кровь только за то, что тот попытался вмешаться в обряд. Несчастный пытался напомнить казахам, что они, вообще-то, уже мусульмане, и негоже почитать языческого Тенгри богом своим. Даже сам хан, говорят, не стал останавливать старого шамана, и сардарам своим запретил. Сказал: дерутся между собой священники – значит, боги их дерутся! Вот пускай между собой и решат, чьему служителю битым быть. А мы люди простые, скажут, небу-Тенгри куда-то резать, порежем, велют Аллаху курбан-айт справлять, кошкар валивать – завалим! Только бы поменьше в наши, кочевые дела вмешивались. И без того желающих вмешаться хватает – от губернаторов оренбургских, до засланцев кокандских, всяк норовит степняков Малого Жуза на свою сторону склонить, альчиком в своей игре кинуть, да так, чтобы альчику побольней падать было...

+++

Альчик упал на выигрышный бок, и Старший Брат радостно крикнул – Алшы! Значит, брат родится!

– Погоди раньше времени радоваться! Не от твоего броска в альчик то зависит, нам мырза-учитель в школе рассказывал...– ханский сынок, Жангир, смотрел на Старшего брата, насупившись, из-под гимназической фуражки.

Отец его, великий хан Бокей, хитро поступил, тагдыр-судьбу

обманул, и долгожданному первенцу своему четыре года имени не давал, в книгах о рождении велел никаких записей не делать, потому как до Жангира все мальчики в роду ханском умирали, один за другим. Дождавшись, пока сыну за три года станет, дал ему имя знатное – Жангир-Керей, и впервые повез в Астрахань, где внес сына своего в имперскую «Книгу для записывания освидетельствований», и через то действо оформил ему самую настоящую имперскую фарман-бумагу, записав его и в особой книге Департамента Герольдии. И тем самым сделав первенца своего первым же настоящим аксуек – дворянином из числа степняков своей орды, закрепив этот статус бумажным подтверждением. Когда же сыну семь годов исполнилось, отвел в гимназию, и там оказия через то случилась – не желали имперские чиновники трехлетнего, по бумагам, мальчика, в гимназию принимать, да богатые подарки, а того паче – протекция губернаторская сына, решили вопрос. И вот уже с прошлого года учился Жангир-Керей, ханский сын, в школе орысов, в Астрахани. Теперь привез его гордый и хитрый отец на праздник-той в гимназической форме, явно гордясь тем, как его старший отличается от прочих мальчишек, щеголявших по случаю праздника пусть в новеньких, но привычных расшитых золотой нитью жилетках-бешметах. Видимо, хотел намекнуть – мол, и сын мой старший, наследник, одет, как орысы знатные своих детей одевают, а значит, благоволит ко мне губернатор астраханский, и ко мне следует обращаться всякому кочевнику, и почет оказывать, потому что под ней мы ходим, под Россией-Империей, как то еще ханом Абулхаиром устроено было.

– Ой-бай, ханский сын, ты меня за дурака не держи! Всякий знает, что не от моей косточки то зависит, а от отцовской! – засмеялся незлобиво Старший Брат. Сильный, уверенный в себе, он был при этом очень миролюбивым, и обижать сына ханского не хотел. Хотя мог бы. А вот Брат Средний...

Не дал Тенгри ему силы в руках, но дал сердце барса – так говорил отец про Среднего своего сына, мелкого в кости, низкого ростом – весь в мать! – однако задиру, каких на всю

степь еще поискать! От того и удар-подзатыльник получился не больным, но злым, обидным, да еще и фуражку гимназическую сбил с головы в пыль степную. И, будто мало ему того, прыгнул Средний на фуражку, принялся топтать ее, приговаривая:

– На тебе, подхвостье орысское, моего брата поучать! Вот тебе...

Не стерпел сын ханский Жангир, бросился с кулаками на обидчика, и вот уже катаются мальчишки по пыли, новые койлеки-рубашки рвут друг на дружке, пуговицы гимназические летят в пыль, тускло отсвечивая сусальным золотом, лампасы в кизяке вымазаны, штаны праздничные запачканы. Какая мать стерпит?

– Ой-бай, коршун ты мой! А ну прекрати! Это же форма... форма...– побежала-полетела соколицей младшая жена ханская, любимица, хоть и не мать родная наследнику, но ближе матери. Она, грезя о больших городах на севере, о домах каменных, повозках красивых, настояла мальчишку в гимназию отдать, и во всем была ему другом и наперсницей. Мальчишку, гляди, коршуном величает, а у самой глаза – бояться!

– Ой-бай, кояншык-хулиган бала, опять задираешь кого не надо? Апа весь год для тебя это платье справляла, сама узор вышивала, а ты?! Не стыдно тебе? – средняя жена Отца бежит рядом с гостьей-чужачкой, ругает родного нашего Среднего Брата, сильно ругает, а в глазах – смех. Забавно видеть ей, как надутого ханского первенца ее родной сын, слабосильный Средний, по грязи таскает.

Растащили женщины мальчишек, ведут каждая к своей юрте. Ханская любимица пасынка своего по пути отряхивает, причитает, все пытается помятую фуражку расправить, при этом умудряется еще и целовать стесняющегося мальчишку в вихры, стриженные по обычаю орысов. Средняя жена Отца за ухо тащит Среднего Брата, тот терпит, не пискнет даже, только глаза у обоих – смеются. Дошли до юрты, не выдержали оба, приснули, так, смеясь, внутрь и зашли. Ничего, сейчас Апа, Старшая жена отца, выплет им обоим как следует – еще долго не смогут смеяться... Или –

смогут, эти у нас такие, все им – ветром в степь! Хотя – не всыплет, нет никого в юрте, успеют одежду в порядок привести, а за драку мальчишескую никто у нас никого не наказывает... ну, если только не пожалуется ханский сынок своим старшим.

+++

Старшие жены в отдельной юрте сидят, им уже чай подают невестки молодые, каждый каприз выполняют, а те промеж собой особый разговор ведут. Ну, как особый – женский, понятное дело!

– Значит, говоришь, с Жюзим, дочкой адайской, еще с бесика-колыбели сына обручили? Не боишься, что адайская дикарка мальчишку твоего к подола своего платья пришьет, под каблуком башмачным держать будет? Адайки, они такие, строптивные! – хитро щурится наша Старшая Апа, громко пьет чай, выражая свое отношение к этому союзу.

В ответ их Старшая тоже щурится, еще громче причмокивает, пиалу к губам поднося, язвительно говорит:

– Адаи племя дикое, но сильное! Союз с ними Бокей ценит, даже дозволил нескольким кочевьям из степей мангыстауских к берегам Жайыка переселиться. А они за то всю южную границу от шеркешских бандитов сторожат, так, что те до наших кочевий и пастбищ не доходят даже. А что по поводу строптивности – куда-даст, жива буду, из самой строптивной невестки быстро дурь выбью!

Засмеялись апашки вокруг дастархана, закивали согласно. Это у них, у старших жен, всегда так, супротив невесток даже самые страшные враги завсегда объединяются.

+++

– Объединяется, говорят, степь, против хивинцев! – Отец говорит, а сам в сторону смотрит. В ту сторону, где Мама в юрте сейчас, в окружении повитух, кричит, бьется... Прямо как тот

нар под ножом Старшего Дяди.

Отец про Маму думает. Про меня... не знаю, может, и думает. Но про Маму – точно. Он ее любит очень сильно. Потому и той-праздник закатил, вся степь Орды Букеевской, с самим ханом-основателем здесь. Вот он, хан наш, напротив отца сидит, на кошме почетной, во главе дастархана, куырдак свежий ест странной железкой трезубой, на отца даже не смотрит. Зажевав кусок печени, запил дымящимся чаем, заговорил медленно, тихо – все в юрте замолчали, слушают, что хан Бокей скажет.

– Никто ни с кем не объединяется! Я, – хан Бокей поднял палец чистой, холеной руки, украшенной перстнем с двуглавым орлом, – Ни с кем не объединяюсь! Хива – головная боль среднего жуза. Их племя, их кровь, их родичи! Хивинцы в городах своих мечтают всех кочевых под свой фарман забрать, но к нам не лезут. Потому что за нами – Царь! А кто за кочевыми? После Сырыма никто против Царя в степи не пойдет, не посмеет. Вот пускай средний жуз со своей головной болью и разбирается. Сам. Без нас. У нас своих дел хватает...

– Каких дел, хан? – старый акын, недавно пришедший к нам из Сарыарка, возмущенно вмешался. Это он, как прибыл, подбивает отца собрать жигитов и помочь кочевьям среднего жуза против хивинского хана. Говорит, каждый степняк за свободу единой ордой выступать должен, и беда наша, если будем и дальше по жузам своим делиться, откажемся единым народом стать. Вот Отец и задумывается...

– О чем думаешь ты, хан Бокей, о каких делах, когда клинки жигитов твоих в ножнах заржавели? – продолжает возмущаться акын. – Где честь твоя, когда братьев наших в крови потопят сардары хивинские, вольный народ степей в рабство обратят, как сможешь терпеть ты это?

– Как смогу? О чем думаю? – взвился хан.

Будь то не акын, а карапайым-простолюдин – не сносить бы головы дерзкому, строг наш хан Бокей, да и не смог бы другой

собрать все племена жуза Младшего, жуза буйного, в одну орду, да своим именем назвать. Но обычай степи чтит даже он – акына голову не хану рубить! Хороший обычай – потому как и ханскую голову только другой хан рубить может. А где в степи найдешь других ханов? Так что правильный это обычай, неудобный, но правильный, с него и своя голова целее будет!

– Мне головы моих жигитов дороже свободы этих голодранцев из среднего жуза! – кричит гневный хан. – Когда мы жунгар своей кровью остановили – где были эти твои братья? Когда Сырым встал за свободу степи – с кем они были? О чем думы мои, дела мои, спрашиваешь? А ты выйди, посмотри, как народ наш живет! Уже сколько лет не воюем мы, заржавели клинки, зато стада богатые, в каждом ауле-кочевье – той, как здесь, детей рожают, праздники справляют, женятся, всех склок да свар – кто кому место за дастарханом не уступил, и ты хочешь, чтобы я все это променял на поле битвы? Чтобы женщины мужей в юрты не дождалась? Чтобы дети без отцов росли? Этого хочешь ты, акын, говори мне? Этого?! – хан поднялся из-за дастархана, взгляд его – Небо-Тенгри в грозовую пору, руки сжимаются в кулаки, смотрит на акына пристально, зовет к ответу.

Молчит акын. Зря молчит. Уж я бы нашел, что сказать. Но меня пока нет... Ничего, скоро – буду!

+++

– Скоро будет! – радостно потирает руки, выпачканные в бараньей крови, Младший Брат. Их у меня много, младших. Они пока – младшие, потому что меня еще нет. Родичи мои, жигиты, батыры, чьи клинки заржавели, но ножи – вот они, ножи, острые, полосуют по плоти животных из стад отца моего, режут мясо на беспармак, для которого младшие невестки вот уже и котлы поставили. А неподалеку котел поменьше – там шкворчит-жарится на внутреннем жиру куырдак. Нежные легкие и печень, сердце и почки – жаркое-награда для молодых жигитов за труд, за то, что под палящим солнцем без устали режут-свежуют угощение для всех, кто пришел на этот праздник-той. Это про куырдак Младший

Брат говорит – скоро будет, скоро уже накормят изголодавшихся, усталых жигитов орды Бокей Хана, вот уже второе поколение которых клинки обнажает и кровь пускает только по тоям-праздникам, чтобы барана-коня-верблюда зарезать, чем хан наш только гордится. Хороший у нас хан! И куырдак будет хороший – вон запах какой вкусный разносится от котла!

Другой брат улыбается, усталый:

– Скоро, говоришь?..

+ + +

– Скоро уже, кокеси-дорогая, давай, тужься! – кричит бабка-повитуха. Не со зла кричит, просто по-другому Мама ее не услышит – сама орет так, что аж полог юрты трясется. – Тужься, айналайн, смотри, батыр будет!

– Аааааа! – кричит Мама, будто не хочет батыра, а хочет просто, чтобы все быстрее закончилось. Мне жалко Маму, и я стараюсь ей помочь, толкаюсь, хотя мне совсем не хочется туда, к этим их делам, строптивым невесткам, которые мужей-батыров к своим койлекам-платьям пришивают, к крови, без которой не обходится даже праздник... Но Маме больно, и я стараюсь...

+ + +

Я стараюсь, думает мулла-мырза, но они все равно верят в своего Тенгри больше, хоть и кивают согласно, и вторят моему аминь после каждой молитвы по-арабски, которую они даже не понимают, но согласно называют себя муслимами, они почитают своих аруахов, и как бы я ни старался, они все равно остаются самими собой... мои народом... Мулла-мырза поймал себя на том, что его это, по сути, никак не возмущает. Нет, он, конечно, понимает всю неправильность такого положения дел, но вот так, чтобы возмутиться всем сердцем – нет, не получается объявить в душе своей джихад всем этим древним суевериям, которые Пророк, да славится имя его, запретил своему джемаату. Степь живет своей жизнью, своими правилами уже тысячелетия, и в этом,

верно, есть свой керемет, высший смысл, вложенный Создателем, и какая разница, как его называем мы, смертные, если он позволяет этому быть?

Сейчас должен появиться на свет новый человек. Кем он будет? Каким он будет? Отец этого нового человека позвал меня сюда, чтобы я вместе с шаманом выбрал ему достойное имя. Уже это – неправильно, казалось бы, но не у нас в степи. Мы живем в союзе. Вечном союзе противоположностей, которые на самом деле суть – одно и то же...

– Босанды! Родила! – кричит женщина, выглядывая из юрты, где только что кричала Мама.

Отец выбегает из шатра, вслед за ним степенно выходят Бокей хан со своей свитой, но Отцу все равно, он бежит в эту сторону, резко останавливается перед муллой.

Молодой мулла-мырза глотает комок в горле, подозрительно, будто ожидая возражения, смотрит на шамана. Говорит:

– Пусть его зовут именем Пророка нашего, мир имени его, Мухаммеда...

– Махамбет, значит! По-нашему! – вмешивается шаман, и звонко хлопает окровавленной ладонью по мощной шее, такой толстой, что она сливается с затылком. По самому основанию шеи остается толстая линия, будто прочерченная кровью. Почему мне кажется, что эта линия прочертила мою судьбу?

Мулла-мырза недовольно качает головой – знал ведь, как чуял, вмешается старый язычник, не даст всему свершится благопристойно. Но – молчит. А я – кричу. Громко кричу. Мне уже можно. Я родился. Я – Махамбет!

+ + +

Стоит холить и лелеять
сына, будто бы птенца,
если он, копьё не взяв,

не пошёл, обет свой дав,
по пути дедов, отца?!
Есть ли польза от богатства
рода, Родины, родни,
если их сыны-изгои,
как-то выпавши из строя,
после бедствия и странствий,
не нашли себе приюта
у ближайшего им люда?!
Есть ли прок от власти ханов,
златотронной красоты,
воли нет, коль у народа,
блага нет у бедноты?!
Махамбет Утемисулы – «Стоит ли лелеять сына?»

(Продолжение следует)... Romanlar